

МОЛОДЫЕ ГОДЫ ЮРИЯ РЕРИХА (1918-1923)

Владимир Росов

Молодые, или юношеские годы Юрия Николаевича Рериха — это самый поэтический и малоизученный период жизни. Сухие строки его автобиографий мало о чем говорят. По достижении совершеннолетия начинает складываться личность ученого. Именно взрывы научного творчества и бурный накал чувств. Однако для тех, кто смотрит на историческую сцену спустя многие десятилетия, фигура Юрия Рериха отступает вглубь, как бы растворяется в ярком великолепии знаменитых родителей.

Известно, после революции в России художник Н.К.Рерих с женой и двумя сыновьями, все вместе оказались в эмиграции. В 1918 году семья еще находилась в Финляндии и вскоре отправилась странствовать по Европе. Сначала художественные выставки состоялись в Швеции и Дании, а затем — в Англии. С 1919 года Рерихи поселились в Лондоне. Старшему из сыновей Юрию едва исполнилось к тому моменту 17 лет, и ему надлежало определить свою будущую судьбу, попросту говоря, получить образование.

ЛОНДОН

От отца Юрий Рерих унаследовал способность к рисованию. С детских лет до нас дошли прекрасные рисунки, воспроизведенные в свое время в петроградском издании «Наш журнал» (1915), и пластилиновая лепка «Собака» (собр. Л.С. Митусовой). Не многие знают, что его карельские пейзажи обладают цветовой утонченностью и техническим мастерством. Поскольку мольберты Николая Константиновича и сыновей часто стояли рядом, все пользовались одними красками и трудились в одной ауре, то и живопись детей стала приобретать художественные достоинства. В Сортавале Юрий создает два, по другим данным — три великолепных портрета Н.К.Рериха (карандаш, доска), они поражают своей техникой, зрелостью и выразительностью. В середине 1990-х годов на аукционе Сотби в Лондоне пейзажи Юрия Рериха по ошибке были выставлены как работы отца (об этом автору сообщил американский коллекционер Александр Левин, который, кстати, 3 года назад продал в Москву около 20 рисунков Юрия). Такая путаница говорит о многом.

Однако, несмотря на явный талант художника, Юрий Рерих больше склонялся к Востоку, и выбор был сделан в пользу ориенталистики. В Финляндии он самостоятельно начинает изучать историю восточной литературы, перерисовывает из научных книг китайские иероглифы и арабскую вязь. По сей день чудом сохранились юношеские конспекты, озаглавленные «Записки по востоковедению» (1918). В то же

время Юрий Рерих берет уроки у известного русского монголиста А.Д. Руднева, также оказавшегося на чужбине.

По приезде в Англию юноша поступил в Школу восточных языков при Лондонском университете, на Индо-Иранское отделение. Он проучился там 1919/20 учебный год у знаменитого востоковеда Денисона Росса. Со второго курса Юрий Рерих перевелся в Гарвардский университет (США), который окончил со степенью бакалавра по отделению индийской филологии. Переезд за океан объяснялся просто: Н.К. Рериху предложили провести серию художественных выставок по городам Соединенных Штатов. Долговременный контракт подтолкнул к жительству в Америке, и семья на некоторое время обосновалась в Нью-Йорке.

Итак, чем обусловлен был такой выбор, почему Юрий Рерих пошел по востоковедческой линии? Несмотря на «любовь к истории и к оловянным солдатикам», с ранних лет пробудился интерес к Востоку, к языкам и культуре народов Азии. Несомненно, определяющим фактором стала семья. Еще в начале XX столетия, некоторое время спустя после рождения сыновей, Николай Константинович намеревается пройти по Великому Индийскому пути. Сначала в 1906 году, а затем в 1914-м он планирует отправиться на Восток вместе с В.В. Голубевым. Обстоятельства не позволили осуществить этот замысел. В Лондоне в 1920-м мечта снова кажется близкой. Уже куплены билеты в Индию, но опять финансовые затруднения корректируют планы. Зато Юрий Рерих имеет возможность получить востоковедческое образование и готовится к центральноазиатским путешествиям в университетской аудитории. Годом позже он писал: «Я начал мои занятия, касающиеся Центральной Азии, в Лондоне, где я изучал персидский язык и санскрит... Сначала я приступил к изучению работ персидских авторов... Кроме того, я собрал в библиотеке Британского музея материалы по истории исследований Центральной Азии»*.

Эмигрантская атмосфера Лондона, в которую окунулись Рерихи, была насыщена антибольшевистскими эмоциями и мистическими эманациями. Николай Константинович становится членом Русско-Британского Братства, которое выступало в «поддержку интервенции» в Красной России. А Елена Ивановна работала в женской секции Комитета помощи беженцам при этом Братстве. Пример родителей оказался поучительным и для Юрия Рериха. Он тоже принимает участие в общественной жизни, выступает инициатором образования «Русского Кружка Молодежи в Лондоне» (вместе с Юрием членами стали будущие сотрудники Рерихов — Георгий Шклявер и Владимир Шибаяев, последний состоял секретарем молодежного объединения).

Этот кружок возник в октябре 1919 года и поставил своей задачей содействовать общению русской молодежи, а также помогать эмигрантским «организациям, борющимся с большевизмом» (при этом, как заявлено в уставе, не преследовались никакие партийно-политические цели). На заседаниях кружка проводились лекции и беседы на научные и художественные темы, ставились спектакли, устраивались литературно-музыкальные вечера и экскурсии. Руководство организовало обмен книгами и периодическими изданиями между своими членами. Осенью 1919-го на собраниях прошли собеседования о высших учебных заведениях в России и Англии, прозвучали доклады известных политиков и деятелей культуры. Среди них — П.Н. Милюков «Задачи русской молодежи в будущем» и Н.К. Рерих «Красота и мудрость». Состоялся и доклад Ю.Н. Рериха «Истоки русского искусства».

* Рерих Ю.Н. Письмо в Парижский университет (1921). — Цит. по: Ю.Н. Рерих: материалы юбилейной конференции. М.: МЦР, 1994. С. 9.

Ю.Н.Рерих. Портрет Отца. 1918

Доклад, прочитанный студентом университета, всего лишь первокурсником, восхищает широтой подхода. Свою речь Юрий Рерих начал с постановки научной проблемы. «Истоки русского искусства обыкновенно принято искать в искусстве Византии и в культуре стальной Скандинавии. Сейчас мне хотелось бы доказать, что Византия и варяги были только путями, по которым проходили культурные влияния. Источники этих влияний нужно искать глубже. Поддерживать исследования в этой области является нашей национальной задачей. Ибо знание глубин народной сокровищницы искусства есть долг всякого русского человека»*.

Обращает на себя внимание удивительный факт: 17-летний юноша говорит о «нашей национальной задаче». Он схватывает нерв проблемы и связывает зарождение русского искусства с Востоком, с историческими культурами, разбросанными в древнейших очагах Центральной Азии. «Византия была только преддверием обширного храма восточной культуры. Блеск византийских мозаик, утонченная роскошь были только первыми впечатлениями на великом пути восточном. Русь в лице хазаров, печенегов и тех неведомых племен и народностей, кочевавших в степях нашего юга, принимала дары Тибета, Монголии, Китая и всего Индостана. Русское искусство есть то понятие, которое претворило весь этот конгломерат разнородных влияний в одно стройное целое влияние...»*

Задача «обнаружения» истоков русского искусства ставится в этом докладе еще шире. Восточные влияния на южную окраину дотатарской и доскифской Руси дополнены опосредованными влияниями Египта, Ассирии, Персии, а через них — Индийского царства (империи Чандрагупты и Ашоки). Такой целостный взгляд на взаимодействие культур заложил основы для более зрелых научных решений. Через несколько лет Юрием Рерихом в статье «Расцвет ориентализма» (1923) был сформулирован глобальный подход, определявший отношения между Востоком и Западом. Идея взаимовлияний двух центров мировых цивилизаций легла в основу труда всей жизни ученого, озаглавленного «История Средней Азии» (1960), по сей день остающегося в рукописи и еще не осмысленного. Доклад об истоках русского искусства также сохранился в виде рукописи, черновые карандашные наброски в старой ученической тетради. Это предмет дальнейших изучений и публикаций.

В Англии личность будущего ученого складывается в совершенно необычных обстоятельствах. Родители Юрия Рериха, помимо творческой и общественной работы, увлечены теософией. В июле 1920 года они становятся членами Лондонской секции Теософского общества. Поддерживают контакты с известными теософами — Безант, Джинарадждасой, Уивером, др. Даже проводят спиритические сеансы в своей квартире на Квинс Гейт Террас. Естественно, что и Юрий Рерих приобщается к эзотерическим знаниям...

КЕМБРИДЖ

В Соединенных Штатах в октябре 1920 года Юрий Рерих поступает в Гарвардский университет (Кембридж, Массачусетс). И начинает заниматься у знаменитого индолога, проф. Чарльза Ланмана, берет курс санскрита и пали. Эта встреча фактически определила профессиональную стезю Юрия Рериха, поскольку в лице Ланмана он обрел долгожданного учителя. Полтора года спустя после их знакомства

* Рерих Ю.Н. Истоки русского искусства. 1919. Рукопись, черновик. — Записки по востоковедению. Тетрадь I. Частный архив, Москва (ЧАР). Автограф.

американский профессор в переписке со своим учеником уже подписывался «ваш старый гуру», причем слово «гуру», или «учитель», он неизменно писал на санскрите.

Юрию Рериху действительно повезло — Ланман специализировался на ведийской и буддийской литературе. Он слыл мировой величиной в своем деле, основал «Гарвардскую восточную серию», в которой публиковались переводы на английский язык древнеиндийских памятников. У него был свой метод обучения молодых индологов. Неотъемлемую часть метода составляла обязательная исследовательская поездка в Индию, в Бенарес или в Пуны.

Следуя этим рекомендациям, Юрий Рерих в 1921 году предпринимает попытку поехать в научную командировку в Индию от Гарвардского университета. Но родители отговаривают сына, объясняя, что впереди открываются еще большие возможности, ибо семья Рерихов собирается в путешествие на Восток. Когда в 1923 году решение об индийской поездке было окончательно принято, именно Ланман советует Юрию посетить другого его ученика-индуса, доктора С.К. Белвалкара из Пуны, который опубликовал на Западе перевод санскритской поэмы Бхавабхути «Уттара Рамачарита». В рекомендательном письме Ланман дал высокую оценку своему студенту: «Мне редко доводилось встречать человека более жаждущего знаний, более восторженного в своем желании неуклонно учиться и работать, нежели Рерих»*.

Спустя годы благодарный ученик с великим почтением вспоминал об учителе — профессору санскрита Гарвардского университета был посвящен первый выпуск журнала Института Гималайских исследований «Урусвати» и отдельная статья к его 80-летию**. В 1929-м Ланман избирается вице-президентом Института «Урусвати» (Николай Константинович лично послал ему приветственную телеграмму), что несомненно подчеркивает ту огромную роль, которую он сыграл в становлении личности Ю.Н. Рериха как ученого.

На студенческой скамье в Кембридже Юрий Рерих берется за научное сочинение по мотивам сказаний о прежних рождениях Будды, а затем переводит «Гирлянду Джатак». Русский перевод буддийских легенд даже был объявлен Георгием Гребенщиковым в планах издательства «Алатас». Весной 1921 года идет усиленная работа над некоторыми упанишадами. Юрий Рерих осуществляет перевод на русский язык Иша, Катха и Чхандогья упанишад. Этот труд он окончательно завершает уже в Индии, в Дарджилинге, снабдив его обширными комментариями. Во введении дается своя собственная оригинальная трактовка контекста упанишад:

«Упанишады представляют из себя заключительный аккорд древневедийской мысли. Те мистические предостояния, в течение которых отшельники передавали своим ученикам венец своих духовных исканий. Таково их внутреннее значение... Упанишады и мысли, заложенные в них, неотделимы от древнеиндийской отшельнической жизни. Их создавала не определенная эпоха литературного развития, а целый ряд эпох, в течение которых святые Индии искали единения с Богом в тишайших лесных скитах. Упанишады не принадлежат определенным авторам. В них отразились века духовных исканий. Кто создал Ишу Упанишад, эту жемчужину среди мистической литературы Индии? Глубокие по смыслу слова уже подчас утратили свое значение и только с трудом поддаются объяснению. И сколь разнообразен материал, собранный в Упанишадах! Рядом с возвышенным мирозерцанием

* Ланман Ч.Р. Письмо С.К. Белвалкару. 15.6.1923. — Архив Музея Н.Рериха, Нью-Йорк (МНР).

** Roerich George. Professor Charles Rockwell Lanman and His Work in the Field of Indology. — Journal of Urusvati Himalayan Research Institute. Vol. I. New York, 1931. P. 1-6.

Шандильи или же Яджнавалкьи, мы встречаем такие сатиры, подобно истории отшельника Бака Дальбьи и стаи собак, истории, свидетельствующей уже о сословно установившейся касте жрецов. И рядом с этим читаем сказание о Сатьякаме, отшельнике из низкого рода шудр, которое служит напоминанием того времени, когда Индия еще не была скована кастовым строем. И если брахманские сборники и сутры часто являются литургиями мира сего, совершаемыми у очага домохозяина, то Упанишады сохраняют в себе остатки лесных литургий, в течение которых пустынники вели беседу о Боге»*.

Юрий Рерих во время обучения в Гарварде берет также уроки классического китайского языка у доктора Чао. У русского эмигранта проф. Михаила Ростовцева слушает лекции о «Средне-Азиатских влияниях на искусство юга России». Это как раз та тема об истоках русского искусства, которая начата в Лондоне. Юноша пишет родителям о своем научном открытии в «области истории скифских племен юга России и Туркестана»**. У него уже есть собственная концепция, как он выражается, «моя теория», подтверждающая теорию Ростовцева. «Постановка вопроса очень обширна и позволяет объяснить многое в скифском народном искусстве. Выясняется громадное значение Средней Азии...»**

Для будущего ученого открывается большая перспектива — мир кочевников туркестанских степей. Интерес к скифскому искусству очень быстро дает свои плоды. Через несколько лет, завершив Тибетскую экспедицию (1927-28), Юрий Рерих издает книгу «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» (1930). Она написана на материале, непосредственно собранном в ходе этой экспедиции. И вышла буквально вослед книге М.И. Ростовцева о «зверином стиле». Так бывший студент почти вплотную подошел к своему преподавателю и дополнил его познания собственными научными достижениями. Ростовцев признает молодой талант, в своем письме к Юрию Рериху, еще до выхода книги, благодарит за «ценную справку»***. Он же помогает организовать публикацию в издательстве Йельского университета дневника Центральноазиатской экспедиции «По тропам Срединной Азии».

Во время обучения в университете Юрий Рерих снова, как и в Лондоне, организует молодежный кружок. Однако новое объединение носит совершенно иную направленность. Это союз трех мистически настроенных юношей. Гарвардские студенты решили посвятить себя науке и истине. Помимо Юрия Рериха в Кембриджский кружок вошли Владимир Перцов и Владимир Диксон. Первый — впоследствии известный ученый, а второй — подающий надежды поэт и переводчик, рано ушедший из жизни. В середине октября 1920 года Юрий Рерих писал своему другу Владимиру Шибавеу: «У нас составилась новый кружок для наших занятий спиритизмом»****.

История создания этого кружка, конечно, уходит началом в теософскую традицию. Молодые люди еженедельно собирались вместе и проводили спиритические сеансы. Их высоким собеседником из Тонкого мира был Аллал-Минг. Тот самый Учитель, который в 1920-м являлся Рерихам в Лондоне. (Елена Ивановна именно его считала своим Гуру, а Николай Константинович нарисовал несколько карандашных портретов Аллал-Минга, используя особую технику «автоматического письма»,

* Иша упанишада. Пер. Ю.Н.Рериха. Рукопись. 1925. — ЧАР. Автограф.

** Рерих Ю.Н. Письмо к Н.К. и Е.И. Рерих. 3.4.1922. — Рериховский вестник (РВ). Вып. 5. Извара—СПб., 1992. С. 14.

*** Ростовцев М.И. Письмо Ю.Н.Рериху. 16.1.1930. — МНР. Автограф.

**** Рерих Ю.Н. Письмо В.А.Шибавеу. 17.10.1920. — РВ. Вып. 5. С. 16.

Иша Упанишада.

Съ философския и филологически
кабинети.

Перевод: Ю.Н. Рерих.

Запечатано.
1924 - 1925.

Титульный лист рукописи Ю.Н. Рериха
«Иша упанишада»

то есть рисование в трансе с закрытыми глазами). Так называемые «диктовки» составили записки Кембриджского кружка.

Темы бесед в основном касались научных исследований, обучения в университете и положения эмигрантов в Америке и Европе. В эмигрантской среде шел поиск «русского пути». И естественно, в часы бесед вырабатывались какие-то новые, оригинальные подходы в научном знании в связи с судьбами России и ее местом в будущем устройении мира. За два учебных года пребывания в Кембридже, в 1920/22 годах, на основе записей членам кружка удалось составить сборники бесед: «Стены подножья Сына», «Уставы благочестия» и «Уставы творчества». Самой глубокой оказалась записанная Юрием Рерихом «Беседа с Наставником о Дверях Премудрости» (1921), или «Книга Золотого Сверкания»*, названная так по первому разделу текста, который включал семь частей. Этот текст мать Юрия присоединила даже к собственным записям Учения Живой Этики, полагая, что всё дано из одного источника. Через несколько месяцев после получения записок Кембриджского кружка Елена Ивановна писала сыну: «Я так полна Алл[ал] Минг[ом], что иногда целый день чувствую в себе прилив необычайной радости... Призывай Алл[ал] Минга и верь в его помощь!»**

Помощь эта не замедлила последовать. Еще через месяц, в августе 1921 года, пришла подсказка, относящаяся к научному поприщу Юрия Рериха. Елена Ивановна рекомендовала сыну заняться «новой теорией» о тохарских племенах. Она основывалась на одной из записей собственных бесед с Аллал-Мингом: «Души ушедших тохаров очень дружно говорят о готском происхождении»***. С этого момента Юрий Рерих сам начинает изучать всё относящееся к тохарам.

Тохарская проблема в науке обозначилась еще в прошлом веке. К началу 1920-х годов ею заинтересовались такие крупные ученые, как Фейст и Пеллио. Считается, что тохары принадлежат к древней группе племен, распространенных в тибето-памирском географическом регионе (временной период обозначен был III веком до н.э. и по IX век н.э., позже начальный рубеж некоторыми исследователями был отодвинут). До своего исторического рассеяния и исчезновения тохарские племена локализовались в районе южных предгорий восточного Тянь-Шаня, точнее, в области Карашара—Турфана, а также в Бактрии и Тохарестане. Со временем они стали как бы конгломератом, растворившимся в среде ираноязычных и тюркоязычных народов Внутренней Азии.

На волне возрастающего интереса к тохарам восходит и Юрий Рерих. Осенью 1921-го у него определяется серьезное увлечение этой темой. Он составляет тезисы, или небольшую статью по тохарскому вопросу. И уже думает о том, как в будущем, после получения диплома Гарвардского университета, продолжить работу. Понимая, что одним из ведущих специалистов по тохарам является Поль Пеллио в Париже, он обращается с письмом в Парижский университет: «В настоящее время я, в частности, интересуюсь проблемой тохар. Моя интуиция дает возможность рассматривать проблему с исторической точки зрения, основываясь на археологических находках, касающихся китайского Туркестана. Я думаю представить эту работу как тезисы докторской работы в Парижском университете»****. Юрий

* Рерих Юрий. Беседа с Наставником о Дверях Премудрости. — РВ. Вып. 5. С. 29-30.

** Рерих Е.И. Письмо Ю.Н.Рериху. — Там же. С. 13-14.

*** Агни-йога. Высокий Путь. Часть 1: 1920-1928. М.: Сфера, 2002. С. 48.

**** Рерих Ю.Н. Письмо в Парижский университет (1921). — Цит. по: Ю.Н.Рерих: материалы юбилейной конференции. М.: МЦР, 1994. С. 9.

намеревается продолжить свое образование и поступить в университет для написания диссертационного исследования.

Выбор и темы, и научного руководителя был сделан очень удачно, поскольку Пеллио оказался хорошо знаком с тохарской проблематикой. Он детально изучал язык «тохри», на котором написан буддийский текст «Майтрейясамити», в связи с более поздним уйгурским переводом этого текста, выполненным в IX веке н.э. В записках Кембриджского кружка имеется одна крайне важная запись, которая помогает восстановить ход биографических событий. Фраза обращена лично к Юрию от имени его духовного наставника Аллал-Минга: «Рерих должен закончить тезис о тохарском языке. Пошли его Пеллио» (23.10.1921)*. Указание это было исполнено, и Юрий Рерих, еще до завершения своего образования в Гарварде, нацелился на Париж, где он действительно оказался в 1922 году.

Тохарская проблема, помимо ее научного аспекта, имела для Рерихов более глубокий эзотерический смысл. Дело в том, что в дневниковых записях Е.И.Рерих проскальзывают неоднократные упоминания о личности Аллал-Минга, который в историческом плане, как «предводитель народов», был связан то с Тибетом, то с Памиром. Елена Ивановна в своих дневниках фиксирует время жизни Аллал-Минга III веком до н.э., а Юрий Николаевич много лет спустя, в 1950-х годах, указывал на другую дату. Аллал-Минг родился в VII веке н.э.** и жил соответственно в VIII веке. Довольно поразительная датировка, если учитывать, что означенные даты и есть период, к которому ученые относят нахождение тохароязычных элементов в Азии.

В текстах Живой Этики говорится также и о Турфанской впадине. Кстати, литературный тохарский язык, на котором написаны буддийские тексты, был распространен именно в Турфане. Николай Константинович одну из своих лучших картин, созданных в Дарджилинге весной 1924 года, посвятил Турфану. Она называется «Турфанская мадонна» и написана в тесном творческом союзе с Еленой Ивановной.

Сюжет с тохарами имел свое продолжение. Поль Пеллио в 1934-м опубликовал научное исследование «Тохары и кушаны», а его ученик Юрий Рерих в конце жизни дополнил учителя двумя блестящими статьями по тохарской проблеме***.

ПАРИЖ

Франция в судьбе Юрия Рериха стала переломной вехой. В августе 1922 года он приехал в Париж для завершения индологического образования. Поселился Юрий на улице Вожерар у Шкляверов, знакомых Рерихам еще по Выборгу, а затем и по Лондону. Близко сошелся с их сыном Георгием, который учился в Сорбонне на юридическо-экономическом отделении. Вместе они проводили время, путешествовали по Европе и... сидели у стола как настоящие спириты, в надежде получить указания от Учителя Аллал-Минга. Сразу же по приезде в Париж, еще до начала занятий в университете, Юрий с Жоржем Шклявером совершил путешествие в Германию. Там они осмотрели средневековый город Шпейер, расположенный на Рейне. Но по пути посетили французские города Страсбург и Мец. Страсбург произвел

* Записки Кембриджского кружка. 1921-1922. — МНР. Автографы В.В.Диксона, В.А.Перцова, Н.К. и Ю.Н. Рерихов.

** Рудзитис Рихард. Встречи с Юрием Рерихом. Минск: Лотаць, 2002. С. 99.

*** Рерих Ю.Н. Тохарская проблема; Память о тохарах в Тибете. — Ю.Н.Рерих. Тибет и Центральная Азия. Самара: Агни, 1999. С. 127-139.

Н.К. Рерих. Турфанская мадонна. 1924.
Частное собрание, США

на Юрия Рериха большое впечатление своим грандиозным собором. В портале собора, на его знаменитых часах каждый день совершается прохождение 12-ти апостолов. А Мец впечатлил местами, связанными с Жанной д'Арк.

В Париже Юрий Рерих начал обучение в Коллеж де Франс и в Институте славянских исследований. Одновременно взял несколько курсов в Парижском университете на Среднеазиатском, Индийском и Монголо-Тибетском отделениях, где совершенствовал свои знания у известных специалистов Бако, Мейэ, Сильвена Леви. Но прежде всего он встретился с Полем Пеллио, считавшимся среди французских светил самой яркой величиной в ориенталистике. «Был у Пеллио. Он был страшно мил и уже задал мне работу по древнекитайскому языку»*.

Что касается других упомянутых ориенталистов, то они обладали не меньшей научной славой. У тибетолога Жака Бако Юрий постигает особенности тибетского языка, а у философа Сильвена Леви слушает курс индийской философии. В Школе восточных языков при Парижском университете у русского эмигранта востоковеда В.Ф. Минорского участвует в семинаре по «Шахнаме».

В 1922/23 учебном году Юрий Рерих занимался также в Сорбонне на военном и юридическо-экономическом отделениях. Увлечение военными науками весьма пригостило ему в странствиях по Азии. Во время Центральноазиатского путешествия он обеспечивал безопасность каравана при переходе через кишашие грабительскими районами Кашгара, Внутренней Монголии и Тибета. Военное образование имело и более далекие цели, не исключавшие возможность вооруженных столкновений во имя будущего Азиатской России, на просторах которой предполагалось основание нового сибирского государства, Священного Союза Востока**.

В Париже Юрий Рерих много времени проводит в библиотеках и музеях. Часто посещает Лувр для изучения восточных коллекций. Наибольшее впечатление на него производит буддийская бронза из собрания Пеллио. «Какие чудные вещи, мистические Будды, утонченные Бодхисаттвы и страшные и свирепые kin-kang, гении-хранители доброго закона. Вообще меня Буддизм страшно привлекает. В нем я нахожу глубокое мистическое чувство и красочность. Стоит только прочесть монгольские и тибетские молитвы!..»***

По рекомендации давнего друга отца, знатока и коллекционера восточного искусства Голубева, уже многие годы проживавшего во Франции, молодой ученый был принят в музей Гимэ. Музей ему понравился, особенно тибетский отдел. Предметом исследований становится коллекция Бако. У Юрия Рериха складывается профессиональный интерес к тибетскому искусству. Через несколько лет в Дарджилинге он напишет книгу «Тибетская живопись», но издаст ее в Париже в 1925-м.

Очень быстро Юрий Рерих формируется как настоящий ученый. «Моя ученая слава всё здесь растет»****. Зимой 1923 года по рекомендации профессора Мейэ он избирается в члены Лингвистического общества. Ему предлагают выступить с научной публикацией о русском искусстве в парижском журнале «La Vie des Peuples» («Жизнь народов»). Сначала появляется статья «Восточное влияние на эволюцию русского искусства», которая суммировала лондонский доклад и гарвардскую «теорию». Затем — статья о Тагоре и Шантиникетане. Рабиндраната Тагора

* Рерих Ю.Н. Письмо Н.К. и Е.И. Рерих. 11.8.1922. — МНР. Автограф.

** См.: Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Кн. 1: Великий План. СПб.—М.: Алетейя, 2002.

*** Рерих Ю.Н. Письмо Н.К. и Е.И. Рерих. 9.11.1922. — МНР. Автограф.

**** Рерих Ю.Н. Письмо Н.К. и Е.И. Рерих. 30.10.1922. — Там же.

Юрий знал лично, познакомился с ним в Лондоне, а потом встречался в Америке. Еще раньше для того же журнала было подготовлено научное эссе «Великий ориенталист Борис Тураев» (1922). Это дань памяти самому первому учителю Юрия Рериха на стезе востоковедения. С гимназических лет воображение подростка захватил Египет и Вавилония, и знаменитый русский египтолог Б.А. Тураев направлял своего юного ученика. Наконец, в статье «Расцвет ориентализма» (1923), опубликованной перед самым отъездом Рерихов в Индию, Юрий предстал как широко мыслящий ученый. Он сформулировал идею создания «Общей истории Востока», которая должна объединить великие очаги мировой цивилизации в Европе и Азии.

Научные силы удалось опробовать и в журналистике. В поисках заработка Юрий Рерих становится сотрудником журнала «Французские страницы». С февраля 1923-го заведует там отделом восточной хроники. В письме родителям он радостно сообщает: «Платят 10 франков за страницу, но не ограничивают число страниц»*. Каждую неделю выходят его корреспонденции в рубрике «Литературные и политические новости».

Оказавшись в Париже, Юрий Рерих сблизился с семьей Манциарли. Ирма Владимировна Манциарли, выйдя замуж за француза, в начале прошлого века покинула Петербург и обосновалась в Париже. Она работала в Теософском обществе (ТО) и являлась сподвижницей Анни Безант. Их сблизало покровительство восходящей теософской звезде, юному Кришнамурти. Ирма Владимировна часто посещала Индию, Аджар, где размещался главный центр теософского движения, занималась переводом с санскрита классических индийских текстов. Сначала в России, а затем и во Франции публикуются на русском языке в ее переводе некоторые упанишады и отдельным изданием — «Бхагавадгита». Однако личность Манциарли значительно богаче, чем может показаться на первый взгляд. Она стала активным деятелем Французской секции ТО, вела кружок по изучению «Тайной Доктрины» и «Кружок речи», читала лекции в ряде французских городов, писала «письма к детям» в журнал «Petit Theosophe» («Маленький теософ»). Более того, была ближайшей помощницей лидера «Ордена Рыцарей круглого стола» Раймонда ван Марле. А затем вместе с тремя дочерьми и сыном вошла в орден «Звезда Востока», возглавляемый Джидду Кришнамурти.

По совету родителей Юрий Рерих в октябре 1922 года нанес визит семье Манциарли (Рериху познакомился с Ирмой Владимировной еще в Лондоне), и с тех пор он частый гость на улице Лафонтен. С увлечением помогает хозяйке дома переводить «Бхагавадгиту» и даже принимает участие в спиритических сеансах, так называемых «проводах». Позднее записи этих сеансов составили Парижский дневник Юрия Рериха. В письме к родителям в Нью-Йорк юноша сообщал: «Я бываю на рю Лафонтен каждый день. Много работаем над "Гитой". Начали также очень успешно писать автоматически. Были даны замечательные указания Ирме Владимировне и Маре Степановне... Через автоматическое письмо Учитель постоянно проводит свою идею»**.

В кругу Манциарли формируется прочная духовная группа, которая ставит перед собой задачу подготовки к будущей культурной работе в России. Одна из дочерей Ирмы Владимировны — Марсель — становится близким другом Юрия Рериха, и между ними вспыхивает сильное чувство любви. Марсель, или Мара, как ее называли в семье, в свои молодые годы слыла уже крупным композитором.

* Рерих Ю.Н. Письмо Н.К. и Е.И. Рерих. 19.2.1923. — МНР. Автограф.

** Рерих Ю.Н. Письмо Н.К. и Е.И. Рерих. 30.10.1922. — Там же.

Ю.Н.Рерих. Страница дневника. Париж, 1922-23.
Частное собрание. Москва

Ее произведения интересны и оригинальны и, по словам Юрия, имеют то «окульти-ное нечто», которое так сильно чувствуется в Скрябине. Композиции исполняются на концертах в парижском зале «Salon d'Automne» («Осенний салон») при полных аншлагах, часто в сопровождении хора Кибалтича.

Еще одно письмо Юрия Рериха родителям, от 17 ноября 1922 года: «Хочу Вам больше рассказать о Маре. Она во многих отношениях замечательный человек. Очень непохожа на своих сестер, очень глубокая, мистическая и чуткая. Близкий друг Кришнамурти, а главное, преданная нашему делу и Служению. Прекрасный музыкант, и я так рад, что в жизни моей будет музыка. Сегодня исполнили ее «Trio» в концерте, и был большой успех. 11-го декабря русский хор будет петь ее песни без слов. Я их уже слышал, и они замечательны. Сейчас будет ставиться ее балет «Натараджа», Бог, чье проявление — мировой танец»*.

В день написания этого письма произошло объяснение Юрия Рериха и Мары Манциарли. «Сегодня, 17-го, я имел объяснение с Марой, и выяснилось, что мы друг друга глубоко любим и чувствуем. Словом, я решил жениться и ехать в Индию уже женатым»*. Семья Манциарли объявила о помолвке, свадьбу назначили на 20 января 1923 года. Эту новость вскоре сообщил на своих страницах лондонский журнал «Геральд оф зе Стар» (о помолвках и свадьбах тогда извещалось в прессе). Правда, венчание в январе так и не состоялось, оно было отложено до приезда родителей Юрия из Америки.

Марсель Манциарли искренне разделяет круг интересов своего жениха. Вместе они часто бывают в Среднеазиатском отделе Лувра. Юрий рассказывает невесте о своем любимом герое, азиатском завоевателе Тимуре. И у Мары возникает замысел большой оркестровой поэмы «Тамерлан», которую она заканчивает уже после отъезда Юрия в Индию и посвящает ему. Эта поэма — как гимн несостоявшейся любви.

Гармония между Юрием и Марой достигает высокого накала. Оба они устремлены к Аллал-Мингу. Вместе проводят сеансы, и Юрий Рерих делает записи в свой дневник. В небольшом парижском блокноте собраны наставления и указы, данные Учителем для духовного усовершенствования. Там же запечатлены образы и видения далекого прошлого. Юрий рисует Тимура, его верного коня и любимую жену Улуту Ханум, возникающих из музыки бескрайних степей.

В мае 1923 года в Париж приезжают Николай Константинович и Елена Ивановна. Вскоре они увозят Юрия подальше от душевных бурь. Вся семья отправляется путешествовать по Европе. Наибольшее впечатление на Юрия Рериха произвела Италия с ее прекрасной архитектурой и музеями, где выставлена живопись старых мастеров. Рерихи побывали в Риме, Флоренции, Венеции. Глубокие духовные переживания вызвало посещение монастыря в окрестностях Фоджии, в Умбрии, где тогда жил знаменитый святой падре Пио, прославившийся своими стигматами.

17 ноября 1923-го, ровно через год после объяснения на рю Лафонтен, Юрий Рерих с родителями отправился в долгое путешествие. Оно потребует в будущем всепоглощающих душевных сил. Марсель Манциарли осталась в Париже. Гималаи приняли эту великую жертву. Юрий и Мара расстались навсегда. Хотя внешне, вероятно, это походило на то, как расставались когда-то Тимур и его возлюбленная Улута перед дальними походами. Никто не знал, что ждет впереди — вечное ожидание, смерть или новая встреча.

* Рерих Ю.Н. Письмо Н.К. и Е.И. Рерих. 17.11.1922. — МНР. Автограф.